

ОТКРЫТАЯ КНИГА

УБИТЬ БАЛЬТАЗАРА

Любой может припомнить в своей жизни нечто такое — пусть сущую ерунду, — чему, однако, нет здравого объяснения. Мы же не верим в мистику. Такой случай. Зашел разговор об отечественной словесности под израильским флагом, это было в Париже. Марамзин похвалил «Заводной апельсин» в тамошнем русском переводе. Мне хватило фильма, но книга эта у меня была. Цветной глянец обложки, напечатана же... ну, скажем, на туалетной бумаге. Я пообещал ее прислать. Позвонил через несколько месяцев — он ничего не получил.

— Когда посылают, то приходит, — голос в трубке обиженный. Не дорог подарок, дорого внимание.

Я купил в иерусалимском магазине «Дар» другой «Заводной апельсин» и снова послал. Марамзину доставили конверт, облепленный гашеными бен-гурионами. Внутри пусто. Я решил не сдаваться. Раздобыл еще один экземпляр книги, моими усилиями делавшейся раритетом, и послал заказным с уведомлением. Бандероль дошла, в наш почтовый ящик был брошен заполненный моим почерком корешок с адресом: рю Эдуар Лало, номер дома, подпись получателя. Представляю себе его лицо, когда, разорвав конверт, он обнаружил ноты «Испанской симфонии» Лало. Мужчина горячий, Марамзин вскипел: «Будь любезен, избавь меня от своих шуток». Решил, что я специально.

Франция, как Ленин: всегда с тобой, в любой жизненной ситуации (вспомнил я песенный репертуар школьных лет). Но поселиться во Франции, примерить ее на себя — сделать ей капут. Бесценное украшение никогда не носят, только глазками. По наводке того же Марамзина мы на две недели слетали в Баньюльс-сюр-Мер: «Живописно до ослепления. Фовизм режет глаз. И недорого».

Баньюльс вправду был живописен. По сравнению с разорительной дороговизной прустовских уголков, он лишь немногим превосходил ценами братскую Испанию, лежащую за холмом. Сбегавшие к морю ступеньки улочек, не доступных колесному транспорту, утопали в ярких азалиях: ярчайший пинк. Фовизм вполне мог свить себе гнездо здесь, а не в соседнем Коллиуре, где обосновался Матисс: те же краски, воздух; тот же свет, те же горы, море. Но и Баньюльс имел своих святых. Повсюду памятные таблички с фотографиями здешнего уроженца и здесь же похороненного бородатого человека в берете за мольбертом: Аристид Майоль. Другая достопримечательность — полнящееся оглушительным щебетанием раскидистое дерево, вдохновившее Оливье Мессиана на «Птиц небесных». Ни Майоля с его гладкими, как полированное вымя, женскими формами, ни птичий гомон набожного Мессиаана я не люблю, но мало ли, кого я не люблю.

Третьим на визитной карточке Баньюльса стоит имя Вальтера Беньямина, отсюда он отправился в последний путь, через горы к испанской границе. Сегодня «тропа Беньямина», как значится она в путеводителях, пользуется популярностью у педантичных туристов — японских, немецких.

— Здравствуйтесь, — говорит немка, загорелая, на полпути от сорока к пятидесяти. Вдруг, заслышав русскую речь, купальщица, вся в соленых слезках, оста-

новились подле нас: «Вы говорите по-русски?» — на выученном русском. Я поднялся, и разговор продолжился, но прежде она спросила, не смущает ли меня отсутствие на ней лифа. С одной стороны, я ничего нового для себя не увидел, ну, может быть, отметил выгоревшие венчики волосков вокруг сосков; с другой стороны, я не знал, куда девать глаза.

Маргарита Ивановна Моммзен, как она представилась, — сама историк и муж ее историк, и дед у него был историком. Невзирая на разницу в годах, набрякшие веки и подозрительно красный в прожилках нос, супруг Маргариты Ивановны участвовал в пешем переходе через испанскую границу, которая пролегла в горах, встававших в солнечной дымке, если повернуться спиной к морю.

— Не угодно присоединиться?

Присоединиться к ним? Идти тропой Бенъямина? Слуга покорный.

Она приняла это за согласие: «Ваш покорный слуга».

Они поселились в большом старом доме на горном склоне целой колонией. Еще была директорша гимназии в Эрлангене с мужем-профессором и осевшая во Франции немецкая эмигрантка преклонных лет одного со мной происхождения — она уверенно пойдет по стопам Бенъямина, будет указывать им путь. В том же теремке жила ее племянница по имени Франсуаза. Столь избранное общество не часто встретишь. Но и я в их глазах редкая птица, чтобы не сказать экзотическое пернатое: скрипач, русский еврей из Израиля. Толстой писал скульптору Гинцбургу: «Приезжайте, будут гости, покажете свою мимику».

А тут как специально:

— Это не о вас передавали сегодня по «Франс культур»? — племянница, единственная говорившая здесь с французским прононсом, оценивающе

разглядывает меня. — Leonid Guirchovich... это же вы? Вы написали триллер...

В книжке лавры великого сыщика я присвоил «себе», этого требовал сюжет. Почему-то считается, что человек пишет непременно о себе. Отождествив героя с автором («И создал его по Своему образу и подобию»), она зачислила меня в гениальные сыщики и сделала своим конфидентом.

— Я могу вам довериться? — прошептала она, сжимая в темноте мою ладонь. Французский акцент на письме не воспроизвести — не в пример немецкому, грузинскому, китайскому, эстонскому. Жаль. Волшебство французского акцента успешно спорит с волшебством английского акцента.

В этот вечер мы пировали на морском просторе. Жена ушла укладывать ребенка, но я еще остался. Остатки пиршества немецкие почитатели Франции в молчании моря собрали в старомодную плетеную корзину — а не в пластиковый контейнер, придуманный для этих целей. В большие контейнеры, баки общего пользования, с грохотом отправились пустые бутылки из-под баньюльского вина: на десерт пили с сыром красное сладкое, которым Баньюльс славится. Во Франции нет такой провинции, а в ней такой деревушки, которая не славилась бы каким-нибудь вином, делавшим ее, эту провинцию и эту в ней деревушку, уникальной, центром мироздания в некотором роде — о чем даже не говорится приезжим, это они должны сами понимать. С любовью запеленута и уложена в люльку снедь, чтобы назавтра быть съеденой: черные каталонские копчености, порядочный кусок запеченного в тесте паштета, выдержанные в рассоле по местной рецептуре и фаршированные разными специями и миндалем маслины, народный белый сыр — ничего не пропадет.

— Только вы, с вашим даром разгадывать головоломки, можете объяснить случившееся, отвести беду от человека. — Она еще крепче сжала мою руку — вот что значит отождествлять автора с его героем, актера с его ролью.

Немецкие голоса стихали по мере того, как коллаборационистка-француженка увлекала меня в темноту, возбуждая во мне, чего греха таить, чувство, плохо вяжущееся с моей отнюдь не напускной сдержанностью: чувство любопытства.

На ее пылкий шепот: «Вся надежда на вас» — я промолчал. Нет, хуже чем промолчал. Я сказал: «Можете на меня рассчитывать».

* * *

Это стряслось в горах, но в других горах. Средиземноморский фовизм сменяется альпийской гладкописью романтиков. Страдающих головокружением просят удалиться. Снеговые острия, обрыв, под ним лазурное озеро Коцит. В таких декорациях разыгралась трагедия, очевидный виновник которой, по ее словам, невиновен. Трое молодых мужчин отправляются в многообещающее путешествие. *A, B, C* — образуем от этих условных инициалов имена: Алексис, Бальгазар и Сезар. В один из дней, ближе к вечеру, они достигают главного зрелищного аттракциона этих мест — озера Коцит. Оно расположено на высоте двух тысяч трехсот метров, словно в гигантском кратере. Чтобы зачерпнуть из него воды, надо быть скалолазом — метров на двадцать спуститься по крутому каменистому склону. Ни лодки, ни рыбачьих сетей, ни охотников до ледяных омовений. Человек не покушался на это девственное украшение гор. Только глазками разглядывал — как бриллиант короны под пуленепробиваемым стеклом.

Алексис, Бальтазар и Сезар оставляют машину на небольшой стоянке и в надвигавшихся неотвратимых сумерках идут к месту, откуда открывается знаменитый вид. А за пятифранковую монету он открывается во всех подробностях, до самых мелочей, и что зуб неймет, хоть око увидит. Но сейчас темно прикладываться к окуляру — завтра. В их планах здесь на ночь поставить палатку, чтобы

Увидеть восход солнца над озером Коцит.
Встретиться глазами с Люцифером, встающим из вод.
И умереть.

Верлен. «Навратная надпись».

Увидеть своими глазами озеро Коцит, растиражированное в глянце национальным агентством по туризму, приехала и немецкая семья с детьми. Их «мерседес» на стоянке. Немецкому семейству уже в отель пора. Пара слов («высокогорный воздух», «завтра солнечно», «быстро стемнело»), после чего те уходят. Вскоре отец семейства вернется: белый «судзуки-сафари» мешает им выехать. Это Алексис бросил машину у шлагбаума (парковка платная). Сезар, с показным укором глянув на Алексиса, извиняется и уходит перепарковать машину. Чуть позже на стоянку прибегает Алексис: забыли в машине молоток — кольшки вбить. Достав из багажника молоток, он предостерегает простодушного немца от здешних ловкачей. Делают деньги из воздуха — высокогорного. Выезжая со стоянки, вы опускаете требуемую сумму в прорезь. С приближением машины шлагбаум поднимется. Но он поднимется и без вашей оплаты, только вы об этом не подозреваете.

— Я тебя догоню, — Алексис протягивает молоток Сезару, а сам останется посмотреть — хочет убедиться, что этот паркинг не чья-то копилка.

Нет, на сей раз всё по-честному. «Мерседес» подъехал вплотную к перекладине, которая не шелохнулась. Пришлось подать назад и заплатить.

...И тут страшный крик прорезал тишину — так в фильме кричал Троцкий под ударом опустившегося ему на голову ледоруба. Алексис и следом шофер «мерседеса» бросились по дорожке в сторону обрыва — на крик. В мерцанье звезд открывается ужасающая картина. Бальтазар распростерт на земле, от его головы мало что осталось: кажется, по ней, как молотом по наковальне, в неопикуемой ярости продолжали бить, даже когда он был мертв. Левая нога в одном носке. Под рубахой, разодранной в клочья, тоже чернели раны, кровоподтеки. Сезар с опущенной головой стоит спиной к убитому и повторяет: «Я ничего не делал... я ничего не делал...» Но в опровержение своих слов он сжимает в руке взятый из багажника молоток. Алексис разжимает его пальцы, молоток с глухим звуком... с глухим звоном угождает прямо в кровавое месиво. Немец поспешно уходит: он позвонит в полицию с ближайшей бензозаправочной станции. Сезар не пытается скрыться или как-то иначе воспрепятствовать своему задержанию. Время от времени он повторяет: «Это не я... я ничего не сделал...» То же самое он повторяет жандармам, которые его уводят. Допустить, что в него вселился зверь? Что зверь, всегда в нем обитавший, вырвался из клетки? Сейчас проводится психиатрическая экспертиза.

Рассказывая об этом, она держала меня за руку так искренно, так нежно, как будто это была *его* рука, как будто, связав со мной надежду на *его* спасение, она перестала различать нас... или я уже говорил об этом?.. как не делают различия между автором и его героем, актером и его ролью... нет, я уже говорил об этом.